

УДК 159.947.23

Е.И. Жиренко**ВЗГЛЯД НА ВЗАИМНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ
С ПОЗИЦИИ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОДХОДА**

Рассматриваются вопросы ответственности сторон, в целом, и их взаимной ответственности в плане установления межгосударственных отношений и их осуществления в рамках международного права. Анализ понятийного аппарата проведен с учётом развития проблемы межгосударственных отношений и права в историческом контексте. На основе использования интегрального подхода показана актуальность совмещения нравственного понимания взаимной ответственности с её политико-правовым значением, что вытекает из единства объективных и субъективных пространств, в которых разворачиваются межгосударственные и межличностные отношения государств и их официальных представителей.

Ответственность; взаимная ответственность; право; нравственность; субъективное; объективное; интегральный подход.

E.I. Zhirenko**SIGHT AT THE MUTUAL RESPONSIBILITY OF THE STATES
FROM THE POSITION OF THE INTEGRATED APPROACH**

Questions of the responsibility of the sides, as a whole, and their mutual responsibility are examined by way of an establishment of interstate relations and their realization within the framework of international law. The analysis of the conceptual device is lead out in the view of development of a problem of interstate relations and the right in a historical context. On the basis of use of the integrated approach the urgency of overlapping of moral understanding of the mutual responsibility with its politic-legal value that follows from unity of objective and subjective spaces in which are developed interstate and interpersonal relations of the states and their official representatives is shown.

The responsibility; the mutual responsibility; the right; morals; subjective; objective; the integrated approach.

Вопросы ответственности любых взаимодействующих сторон, в целом, и взаимной ответственности, в частности, волновали не одно поколение ученых и философов, взгляды которых на это явление были отражены в идеях о всеобщем благе, принципах справедливости, соразмерности прав, обязанностей граждан и т.п. Различные философы и мыслители, представители науки с разных сторон подходили к изучению взаимной ответственности, однако к данному моменту пока не удаётся обнаружить результативных попыток объединения всех мнений, систематизации важнейших умозаключений в единое целое.

Известный политический деятель времен Античности, положивший начало формированию афинского демократического государства, Солон стремился внедрить в общественную жизнь принцип всеобщего равенства и всеобщей ответственности. Он говорил: «Требуя, чтобы ответственность несли другие, неси ее и сам» [1]. В таком видении взаимной ответственности прослеживается нравственная сторона данного вопроса, которая и с течением времени не теряет своей актуальности, несмотря на то, что возникшая в период классической немецкой философии идея правового государства дала мощный импульс к рассмотрению взаимной ответственности преимущественно в правовой плоскости (применительно к взаимоотношениям между государством и личностью). Одним из императивных (*ius cogens*) принципов современного международного права выступает принцип *Pacta sunt servanda* («добросовестное выполнение обязательств» по международному праву), не совсем точно отождествляемый многими исследователями с суще-

ствовавшим в римском праве принципом «договоры должны соблюдаться». На наш взгляд, последний был качественно преобразован, получив дополнительную смысловую нагрузку в виде морально-нравственной необходимости выполнения взятых обязательств, заключенной в концепции добросовестности, явно имеющей не правовую природу.

Определенный акцент на концепции добросовестности был поставлен в Декларации о принципах международного права 1970 г. В преамбуле документа сказано, что «добросовестное соблюдение принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, и добросовестное выполнение государствами обязательств, принятых в соответствии с Уставом (ООН), имеют важнейшее значение для поддержания международного мира и безопасности и для достижения других целей Организации Объединенных Наций» [2].

К.А. Бекяшев в этой связи отмечает: «Субъекты международного права должны выполнять обязательства, вытекающие из международного права, добросовестно. Выполнение обязательств должно осуществляться честно и точно. Только в этом случае исполнение международно-правовых обязательств может квалифицироваться как добросовестное» [3]. По его словам, государство не может уклоняться от выполнения обязательств, вытекающих из международно-правовых норм, и не может ссылаться ни на положения внутреннего права, ни на иные обстоятельства как на причину неисполнения или отказа от исполнения своих обязательств.

Проблема здесь (в этом определении) также сводится к двум аспектам – честности и точности, но ни тот ни другой критерий на практике не может быть однозначно интерпретирован, поскольку, как показал К. Уилбер, честность является критерием соответствия в субъективном пространстве конкретной личности, в её «субъективном Я», и имеет большую сложность переноса в коллективное пространство отношений в связи с тем, что каждый конкретный человек не всегда честен по отношению к самому себе, порой даже не подозревая об этом, на что непосредственно указывает наличие в сознании личности скрытых мотивов, управляющих его деятельностью вне зависимости от его осознаваемых мотивов и побуждений. Что касается точности, то, скорее всего, здесь имеется в виду, что выполнение договоров, закрепленных в тексте, должно этому тексту полностью соответствовать, что также невозможно полностью реализовать, поскольку каждый текст, за исключением самых простых (например, оговаривающих сроки, объем и номенклатуру межгосударственных поставок) имеет возможность интерпретации, на что указывал ещё Аристотель, разрабатывая свой Органон (универсальное средство познания) и столкнувшись при этом с главной проблемой – проблемой словесного выражения мысли, которая впоследствии стала предметом науки, или точнее искусства, – «герменевтики».

Возможно в этой связи, в свою очередь, И.И. Лукашук, обращает внимание на то, что принцип добросовестного выполнения международных обязательств, при применении норм, обязывает добросовестно выяснять интересы государств и международного сообщества, затрагиваемые применением нормы, добросовестно определять фактические обстоятельства, добросовестно выбирать подлежащие применению нормы, обеспечить реальное соответствие реализации нормы ее духу и букве, не допускать злоупотребления правом [4].

Думается, что основные трудности и в этом определении возникают в связи с некоторой неопределённостью, касающейся понятия «добросовестно». Оно также относится к пространству морали и нравственности, поскольку любое событие по своей сути является нейтральным, и из этой нейтральности каждый берет то, что ему ближе подходит, что он готов сейчас прожить для приобретения нового опыта. Следовательно, в это понятие можно попробовать внести ту строгость и точность, о которой говорилось выше, так как в противном случае неопределённость будет нарастать с каждым употреблением этого понятия.

Слово добросовестность состоит, как очевидно, из двух отдельных слов – добро и совесть. Их хотелось бы как можно более строго определить. Поскольку понятие «добро» – относительное, субъективное, то субъект может различить его только в одном случае, о котором говорил Э. Кант, утверждая, что его удивляют две вещи: «звёздное небо над головой и моральный закон внутри нас». Звёздное небо доступно всем, но что касается морального закона, то с ним гораздо сложнее, поскольку люди в своём преобладающем большинстве, во многих случаях разделяются в оценке конкретных событий, и каждое из них для кого-то является добром, а для кого-то – злом. Скорее всего, моральный закон таки действительно есть внутри нас, но он часто, как говорят психологи, становится в позицию стороннего наблюдателя, дабы дать возможность нашему «Эго» научиться обращаться к нему. Во избежание разночтений добром можно считать то, что приносит прирост развития личности, общности, государству, где под развитием личности понимается увеличение её способности принятия правильных (сообразных поставленной цели) решений [5]. А под развитием общества и государства можно понимать процесс уравновешенности триады «экономика – политика – нравственность», без чего всегда наблюдается только деградация последних [5]. Эти определения позволяют существенно сократить число возможных интерпретаций понятия «добро», хотя его «точное» измерение по-прежнему будет недоступным, поскольку кроме анализируемых событий в обществе и государстве всегда действуют множество неучтённых, что может приводить к ошибочным суждениям и оценкам.

То касается совести как механизма обратной связи, механизма обеспечения «соединяющей весты», то здесь всё гораздо проще: если субъект «слышит» ответ Мира на его действия, значит, у него совесть есть. При наличии совести весьма просто отличить добро от зла: если отклик Мира положительный, значит субъект делает этому миру добро, если отклик отрицательный, значит, этого делать не стоит. Мир это будет рассматривать как зло [5].

Таким образом, мы не можем даже теоретически объективировать понятие «добросовестность», а, следовательно, его наличие в пространстве объективного (в правовых актах) уже неизбежно приводит к росту интерпретаций, откуда и все сложности построения законченной теории взаимответственности и необходимость использования субъективных механизмов нравственности.

Актуальность совмещения нравственного понимания взаимной ответственности с ее политико-правовым значением видна и исходя из рассматриваемых и в учебной, и в научной литературе по политологии, философии и юриспруденции связанных с ней вопросов. Исследователями не только не находятся общие пути решения общих проблем (например, по добросовестному выполнению взятых обязательств), но во многом игнорируются и дефиниции определяемого понятия (взаимной ответственности), предложенные в рамках различных дисциплин. Так, в философском значении ответственность часто фиксируется в модальности «ответственность перед», связывается с таким понятием как свобода [6]; в политологии взаимная ответственность упирается в соотношение «политика-мораль», оперирует к комплексу личных качеств и нравственному облику обладателей государственной власти. Правовым пониманием взаимной ответственности является наступление негативных последствий для правонарушителя, т.е. имеет место «ответственность за». Но интересно заметить, что исследователями-юристами выделяются два аспекта ответственности – позитивный и негативный [7]. Первый из них представлен в контексте действия в соответствии с правовыми предписаниями. Несмотря на то, что некоторыми исследователями отрицается сама возможность создания общей теории юридической ответственности в ретроспективном и позитивном планах, мы согласимся с Г.В. Атаманчуком, замечая, что ответственность формируется на основе последовательного взаимодействия трех основных

частей: сознания долга, оценки поведения и наложения санкций [8], т.е. с более общим пониманием ответственности.

Для ясного и комплексного понимания взаимной ответственности, на наш взгляд, необходимо при ее исследовании применить предложенный К. Уилбером [9] и разрабатываемый некоторыми современными учёными интегральный подход – единственно возможный в данном случае и полностью раскрывающий сущность рассматриваемого многоаспектного политико-правового и нравственного феномена. Настоящая работа, в этом плане, является попыткой обратить внимание исследователей на универсальность методологии интегрального подхода и его применимость к обоснованию смыслового содержания понятий «ответственность» и «взаимоответственность», поскольку разработка интегрального подхода американским философом и психологом – специалистом в области трансперсональной психологии – К. Уилбером, позволяет рассмотреть понятие взаимной ответственности с учетом всех различных сторон этого явления.

Интегральный подход предполагает исследование объекта с точки субъективной и объективной, индивидуальной и коллективной, внутренней и внешней сторон, через такие понятия как: «субъективное Я», «объективное Я», «объективное Мы» и «субъективное Мы». При этом в самом общем смысле за этими понятиями понимается следующее: сущностное содержание, сознание, намерение конкретного субъекта («субъективное я»); его внешняя сторона, форма, поведение («объективное я»); проявленное действие, функционирование, функциональная система, социальный сектор («объективное мы»); не проявленное взаимодействие, взаимодействие сознаний, культурный сектор («субъективное мы»).

Применительно к исследованию взаимной ответственности указанные выше понятия приобретают конкретное выражение. Так, представим ситуацию, в которой президентами двух стран заключается международный договор о сотрудничестве в определенной области, подразумевающий создание новых институтов, унификацию правового поля для облегчения действия данного договора и пр. «Субъективное я» отражает намерения лидеров стран, лежащие в основе заключения этого договора. Эти намерения имеют скрытый характер, их нельзя проконтролировать. В качестве критериев достоверности на данном этапе могут быть выделены честность, законопослушность, добросовестность. Здесь же может быть проявлена ответственность (индивидуальная) в ее философском значении и позитивном аспекте. На втором этапе («объективное я») эти намерения выражаются в конкретной форме. Стороны решают сотрудничать в какой-либо области. Но для этого им необходимо создать определенную функциональную систему для достижения цели – сотрудничества («объективное мы») и они заключают договор. Тем самым устанавливаются определенные правоотношения между сторонами, создаются устойчивые связи «права-обязанности». В договоре фиксируются обязательства и необходимые для достижения поставленной цели действия сторон, определена нормативная база, регулирующая возникшие правоотношения, включая систему санкций и механизм привлечения к ответственности. Стадия исполнения договора фактически проявляется на четвертом этапе («субъективное мы»), где наглядно продемонстрировано, существует ли коллективное сознание сторон договора, достигнута ли общая цель, осуществляется ли сотрудничество в данной области и справедливо ли оно. Если ни один из этапов не дает сбоя, т.е. поведение субъектов отражает их намерения, а создание функциональной системы – цель, приняты действенные нормы и механизм реализации договора, то взятые сторонами обязательства будут выполнены. И только в этом случае можно говорить о взаимной ответственности. Взаимная ответственность не имеет места, если хоть в одном из звеньев были допущены ошибки.

Интегральный подход к исследованию взаимной ответственности, таким образом, не только указывает на сложность и многогранность рассматриваемого феномена, но и демонстрирует его зависимость от ряда факторов субъективного и объективного характера, часто имеющих скрытую форму, на которые исследователю следует обратить особое внимание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мирумьян К.А.* М 647 История политической науки. Ч. I. Эпоха античности. Ред. Г.Г. Арутюнян, Изд-во РАУ, Ер. – 2004. – С. 29-30.
2. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
3. *Бекяшев К.А., Ануфриева Л.П., Устинов.* Международное публичное право: Ечеб. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 784 с.
4. *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
5. *Непомнящий А.В.* Введение в интегральную антропологию. Ч. I: Методология знания и методологические основания человековедения: Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. – 196 с.
6. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Руководители проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. Т.3. Н-С. – М.: Мысль 2001. – 172 с.
7. Теория государства и права: Учеб. / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – 542 с.
8. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. – М., 1997. – 302 с.
9. *Уилбер К.* Краткая история всего: Пер. с англ. С.В. Зубкова. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 476 с.
10. *Уилбер К.* Одо духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира / К.Уилбер/Пер. с англ. В.Самойлова под ред. А. Киселева. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002. – 476 с. – (Тексты трансперсональной психологии).

Статью рекомендовала к опубликованию д.п.н., профессор Е.Н. Каменская.

Жиренко Екатерина Ивановна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: ezhirenko@mail.ru; 347922, г. Таганрог, ул. Чехова, 2; тел.: 88634312016; кафедра психологии и безопасности жизнедеятельности; соискатель.

Zhirenko Ekaterina Ivanovna – Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: ezhirenko@mail.ru; 2, Chehova street, Taganrog, 347922, Russia; phone: +78634312016; the department of psychology and safety of existence; competitor.

УДК 159.9.072.52

А.А. Заиченко

АПРОБАЦИЯ ТРЕНИНГОВОЙ ПРОГРАММЫ КОРРЕКЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

Представлены результаты эмпирического исследования субъективного качества жизни (СКЖ) личности, выявлена типология и определена классификация СКЖ по типам и профилям. Этап типологического изучения СКЖ реализован с целью разработки и апробации тренинговой программы «СКЖ личности» для коррекционного воздействия и формирования сбалансированного качества жизни развивающегося субъекта. На основании выделенных профилей СКЖ была разработана и реализована программа коррекционного воздействия, эмпирически доказана её валидность, актуальность и эффективность работы с СКЖ субъектов в тренинговой групповой работе.

Субъективное качество жизни; субъект; тренинговая программа; апробация.